

Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.

Жан
Жироду

Безумная
из Шайо

Перевод с французского
Надежды Рыковой

Библиотека драматургии Агентства ФТМ

Жан Жироду

Безумная из Шайо

«ФТМ»

Жироду Ж.

Безумная из Шайо / Ж. Жироду — «ФТМ»,
— (Библиотека драматургии Агентства ФТМ)

ISBN 978-5-4467-2364-5

«Безумная из Шайо» написана в годы Второй мировой войны, во время оккупации Франции немецкими войсками. В центре сюжета – дельцы, разрабатывающие план фактического уничтожения Парижа: они хотят разведывать в городе нефтяные месторождения. Но четыре «безумные» женщины из разных районов решают предотвратить это, заманив олигархов в канализационные тоннели.

ISBN 978-5-4467-2364-5

© Жироду Ж.
© ФТМ

Содержание

Действующие лица	5
Действие первое	7
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Жан Жироду

Безумная из Шайо

Пьеса в двух действиях

Действующие лица

Изыскатель.
Марсьяль, официант.
Цветочница.
Председатель.
Барон.
Уличный певец.
Полицейский.
Рассыльный.
Мусорщик.
Глухонемой.
Ирма, судомойка.
Продавец шнурков.
Жонглер.
Биржевой заяц.
Рантье.
Чудак.
Три женщины.
Орели, безумная из Шайо.
Жаден, сотрудник службы здравоохранения.
Спасатель с моста Альма.
Пьер.
Грязный господин.
Второй полицейский.
Рабочий канализационной сети.
Констанс, безумная из Пасси.
Габриэль, безумная из Сен-Сюльпис.
Жозефина, безумная из Конкорд.
Председатель административного совета.
Гг. Изыскатели из эксплуатационных синдикатов.
Гг. Депутаты, члены комиссии по нефтяным ресурсам.
Гг. Руководители рекламных агентств.
Первый руководитель.
Директор.
Генеральный секретарь.
Первая дама.
Вторая дама.
Третья дама.
Старичок.
Предводитель первой группы людей.
Первая группа людей, друзья животных.

Предводитель второй группы.
Вторая группа, друзья растений.
Предводитель третьей группы.
Третья группа, Адольфы Берто.

Действие первое

Терраса кафе «Франсис» на площади Альма.

Председатель. Садитесь, барон. Сейчас вам нальют портвейна. Его держат здесь для меня лично. Надо же нам отпраздновать этот день: похоже, он будет подлинно историческим.

Барон. Что ж, портвейн так портвейн.

Председатель. Сигару? Тоже мой специальный сорт.

Барон. Лучше, пожалуй, кальян. Он словно переносит меня в атмосферу арабской сказки. Мне кажется, я в Багдаде. Утро. Воры сводят знакомство друг с другом и перед выходом на добычу рассказывают друг другу о себе.

Председатель. Охотно готов это сделать. В море приключений бесполезно подчас определить свое точное местонахождение. Начинайте вы.

Барон. Меня зовут Жан-Ипполит, барон Томар...

Перед столиком останавливается уличный Певец. Он поет начальную арию из «Прекрасной полячки».

Певец.

«Слышишь ли ты сигнал?

Адский оркестр заиграл!»

Председатель. Официант, уберите его.

Официант. Он поет из «Прекрасной полячки», мсье.

Председатель. Меня не интересует его программа. Я прошу вас убрать его.

Певец исчезает.

Барон. Меня зовут Жан-Ипполит, барон Томар. Лет до пятидесяти я жил довольно бесхитростно: вся моя деятельность сводилась к продаже очередного унаследованного имения для содержания очередной приятельницы. Я обменивал названия мест на личные имена: Эссар на Мелину, Маладрери на Линду, Дюрандьер на Дэзи. Чем более по-французски звучало название места, тем экзотичней – имя. Последняя проданная мною ферма – Фротто, последнее имя – Аннушка. Затем наступил более смутный период: я дошел до того, что писал сочинения и решал задачи за учеников лицея Жансон. Клиентуру мне добывал один книго-торговец. Ваш сын заметил, что у нас с ним очень схожие почерки, и доверил мне даже переписку домашних работ набело. За это прилежание, отнюдь не свойственное мне в школьные годы, я заслужил награду, которую ходячая мораль сулит примерным ученикам. Сынок ваш, которому я представил мою Аннушку, представил меня вам, и вы, едва услышав, как звучит мое личное имя, если осмелюсь так выразиться, сочли за благо предложить мне кресло в Административном совете учреждаемого вами ныне Общества...

Председатель. Теперь моя очередь. Меня зовут...

Цветочница. Фиалки, сударь!

Председатель. Убирайтесь...

Цветочница исчезает.

Председатель. Меня зовут Эмиль Дюраншон. Матушка моя, Эрнестина Дюраншон, надрывалась на поденщине, чтобы платить за мое обучение в коллеже. Она всю жизнь что-то мыла, присев на корточки, – иной я ее не видел. Когда, оживая в моей памяти, она поднимается на ноги, я не узнаю ее лица: оно дышит мстью, и мать словно плюет на меня. Поэтому я предпочитаю помнить ее сидящей на корточках. Когда меня исключили за создание первого в моей биографии акционерного общества – библиотеки книг непристойного содержания, которые я ссужал товарищам за солидную плату, я отправился в Париж с честолуби-

вым намерением усвоить методы знаменитых людей. Дебютировал я плохо – рассылным в газете «Фронда», главный редактор которой – известная госпожа Северин – поручила мне отправку дохлых собак на учрежденное ею специальное кладбище для животных в Аньере. Увы, такая уж у меня, видимо, натура: я грубо обращаюсь даже с дохлыми собаками. Не больше мне повезло и в должности реквизитора у Сары Бернар: ей самой пришла пора собирать чемоданы. Не преуспел я и как мойщик велосипеда при гонщике Жаклене: машина его уже перестала пылиться на ходу. Общение со славой принесло мне лишь голод, унижения, лохмотья; поэтому я обратил взоры на безликих, безымянных людей, затерянных в толпе и словно чего-то выжидающих. И тут счастье улыбнулось мне. Первая же физиономия без особых примет, случайно увиденная мною в метро, – и я заработал первую свою тысячу, сбыв дураку фальшивые пятифранковики. Вторая такая же рожа, хотя и с большой родиной, встреченная на площади Оперы, помогла окончательно раскрыться моему дарованию: я возглавил шайку торговцев бракованными электробатарейками. Я все понял. С тех пор я ставил исключительно на эти маски, на людей с лицом, безжизненным даже тогда, когда его разнообразят нервный тик или оспенные щербины. Я ставил на них, как только мне удавалось их встретить, и, сами видите, сделался председателем одиннадцати правлений, членом пятидесяти двух административных советов, обладателем стольких же банковских счетов и будущим директором Международного акционерного общества, членом правления которого вы только что дали согласие стать.

Мусорщик подходит к ним и наклоняется.

Председатель. Что вы там ищете?

Мусорщик. То, что вы обронули.

Председатель. Я никогда ничего не роняю.

Мусорщик. А этот стофранковый билет ваш?

Председатель. Давайте-ка сюда и исчезайте.

Мусорщик отдает билет и исчезает.

Барон. Вы уверены, что эти сто франков ваши?

Председатель. Во всяком случае, скорее мои, чем его. Стофранковые билеты для богатых, а не для бедняков. Официант, позаботьтесь наконец, чтобы нас не беспокоили. Здесь форменная толкучка!

Барон. Не будет ли нескромностью с моей стороны любопытствовать, чем станет заниматься наше Общество?

Председатель. Нескромностью это назвать нельзя, но так как-то не принято. Вы – первый член Административного совета, проявляющий подобное любопытство.

Барон. Простите, впредь не буду.

Председатель. Прощаю тем охотнее, что сам еще не знаю, чем будет заниматься наше Общество.

Барон. У вас есть капитал?

Председатель. У меня есть агент из биржевых зайцев. Его мы и ждем.

Барон. Вы располагаете какими-нибудь залежами полезных ископаемых?

Председатель. Да будет вам известно, дорогой барон, что Обществу при его учреждении нужен не объект деятельности, а наименование. Мы, деловая аристократия, никогда не оскорбляем покупателей наших акций предположением, что, покупая, они намереваются совершить меркантильную операцию, а не предаться игре воображения. Наша единственная честолобивая цель – разбудить их воображение: мы не впадаем в заблуждение романистов, которые, придумав подходящее название, считают себя обязанными написать и самый роман.

Барон. И каково же в данном случае название?

Председатель. Этого я еще не знаю. Если же я, как вы могли заметить, немного нервничаю, то лишь потому, что сегодня вдохновение мое как-то запаздывает... Да вот! Глядите, вот она. Никогда еще не видел такой многообещающей!

Барон. Вы говорите о какой-то женщине? Где вы здесь видите женщин?

Председатель. Физиономия! Одна из тех физиономий, о которых я рассказывал вам. Вон тот человек, слева от нас, что пьет воду.

Барон. Вот так многообещающее лицо! Уличная тумба, да и только!

Председатель. Совершенно верно, одна из живых тумб, воплощающих хитрость, жадность, упрямство. Тумбы эти стоят всюду, где идет игра и торговля любовью, где добываются железо и фосфат. Они – вехи на путях удачи, преступления, каторги, власти. Видите, он нас уже заметил. И понял. Сейчас подойдет.

Барон. Вы же не станете доверять ему наши секреты?

Председатель. Дорогой барон, я никогда не доверял даже дочери и жене. Ближайшие мои друзья и секретари не знают никаких моих секретов, даже самых невинных. Моя старшая машинистка ведать не ведает, где я на самом деле живу. Но я из принципа сообщаю решительно все неизвестным, которых мне посылает случай: я вижу их безжизненные лица и понимаю, что безопасность моя обеспечена. Ни один из них никогда не предал меня. Эти искривленные рты, бегающие глаза – гарантия верности, как ее понимают в нашем кругу. Впрочем, он тоже угадал во мне верного человека и без колебаний откроет мне все. Знаки, по которым узнают друг друга адепты разных обществ, где царят несколько необычные нравы, – наивная мелочь по сравнению с приметой, дающей возможность узнавать друг друга нам, служителям удачи. Эта примета – тупость выражения и некий отсвет смерти на лице. На моем он все это и увидел. Еще минута – и он будет здесь.

Глухонемой обходит столики и на каждый кладет конверт.

Да оставят нас в покое или нет? Просто заговор какой-то! Забирайте свои конверты и проваливайте!

Глухонемой знаками показывает, что ничего не слышит.

Официант!.. Не трогайте конвертов, барон. Этот глухонемой служит в полиции: он таким способом собирает отпечатки пальцев.

Барон. Удачно придумано! Сразу куча оттисков!

Председатель. Бедная полиция! Наивна, как всегда. Она получает только то, что ей совершенно не нужно: отпечатки щедрых и честных посетителей... Эй, вы, глухонемой, что вам больше нравится – убраться отсюда или попасть за решетку?

Глухонемой оживленно жестикулирует и гримасничает.

Председатель. Официант, о чем это он?

Официант. Его понимает только Ирма.

Председатель. Какая еще Ирма?

Официант. Судомойка, мсье. Да вот и она.

*Появляется **Ирма**. Внешность – ангельская.*

Председатель. Избавьте нас от этого типа, мадам судомойка, не то я позову полицейского...

Глухонемой делает жесты и гримасы.

Что он там мелет, черт побери?

Ирма (следя за мимикой глухонемого). Говорит, что жизнь прекрасна.

Председатель. Он не из тех, кому полагается иметь свое мнение о жизни.

Ирма. У вас душа безобразная.

Председатель. Душа или жена?

Ирма. И та и другая. И даже третья. У вас две жены.

Председатель. Управляющего сюда! Немедленно!

Глухонемой и Ирма исчезают.

Что там еще такое?

Подходит Продавец шнурков.

Председатель. Полиция!..

Продавец шнурков. Шнурочков не надо?

Барон. Мне как раз нужен один шнурок.

Председатель. У этого не покупайте!

Продавец. Красный? Черный? Ваши совсем истерлись. Даже цвета не разобрать.

Барон. Поворот к лучшему в моих делах позволяет мне купить целую пару шнурков.

Председатель. Барон, я не могу вам приказывать. В моей власти только установить – это будет на нашем первом заседании – количество жетонов, положенных вам за присутствие на Совете, и решить вопрос о предоставлении вам права пользоваться в необходимых случаях автомобилем. Но обстоятельства вынуждают меня со всей скромностью выразить пожелание, чтобы вы ничего не покупали у этого человека.

Барон. Я всегда уступал просьбам, выраженным в столь любезном тоне...

Продавец уходит.

Но кому же этот бедняга сбудет свой товар?

Председатель. Он не нуждается в вашей помощи. Возмутительная круговая порука позволяет всей этой накипи устраиваться без нас. Продавец шнурков сбывает свой товар боснякам, продавец галстуков снабжает бродяг в тельняшках, лоточник, торгующий заводными игрушечными утками, продает их грузчикам Центрального рынка. Отсюда их наглый тон и дерзкие взгляды. Отсюда же их гнусная независимость. Не надо ей потакать. А вот и наш агент. Bravo! Он так и сияет.

Появляется Биржевой заяц.

Биржевой заяц. У меня для этого все основания, председатель. Победа за нами. Можно начинать. Слушайте!

Подходит Жонглер, он жонглирует цветными кеглями.

Председатель. Нам не терпится это сделать.

Биржевой заяц. Во-первых, эмиссия. Акции выпускаются с номиналом сто на сто. Однако я устанавливаю стоимость обыкновенной акции в сто десять, по цене привилегированной, что дает мне право перепродать ее по сто двенадцать, так что после спровоцированных нами колебаний курс устанавливается девяносто один и два... Мои агенты создают небольшую суматоху, держатели начинают волноваться, и мы приступаем к скупке.

Жонглер жонглирует горящими кеглями.

Председатель. Классическая, но превосходная операция!

Барон. Могу я спросить...

Председатель. Нет. Объяснения вас только запутают.

Биржевой заяц. Что касается облигаций, то здесь, заметьте, метод совершенно противоположный. Я обеспечиваю нормальное повышение курса временным падением. Я даю предъявителю возможность продать по номинальной цене не подлежащую перекупке облигацию, продлевая установленный срок операций, и объявляю о фиктивном распределении реального дивиденда. Среди держателей – паника. Два самоубийства, один из самоубийц – генерал. Затем массовая скупка нашим Обществом... Легкая суматоха, затем умиротворение, и те из держателей, кого не окончательно разорила моя первая операция, с восторгом выкупают бумаги обратно.

Жонглер жонглирует алмазными кольцами. Подходит мелкий Рантье и восхищенно прислушивается.

Председатель. Великолепно! Сколько долей прибыли резервируется за каждым членом Совета?

Биржевой заяц. Пятьдесят, как условлено.

Председатель. А вам не кажется, что этого недостаточно?

Биржевой заяц. Ладно, три тысячи.

Председатель. Вы понимаете, барон?

Барон. Начинаю понимать.

Председатель. А как у вас с помещением капитала?

Биржевой заяц. С помещением? Тут-то я и подхожу к своему триумфу. Через государственного инспектора по финансированию общественных работ я вкладываю в последние основной наш капитал и перевожу на кассу финансирования плантаций рапса суммы, предназначенные для рабочего страхования на строительстве гидростанций Центрального массива. Дополнительный капитал, предназначенный сберегательным кассам, целиком перечисляется «Генеральному обществу» и «Лионскому кредиту», которые выплачивают нам в виде комиссионных из расчета десяти процентов разрешенную законом сотую часть вклада. Остается резервный капитал, который можно, конечно, показать как оборотный, но это увеличит налог на возврат капитала...

Председатель. Ясное дело. Здесь-то и препятствие.

Биржевой заяц. Преодолеваем его одним прыжком. Через постоянного финансового инспектора при временном текстильном комитете я переношу на бурый уголь средства, выделенные на хлопок, как это предусмотрено в случаях с сырьем параграфом одиннадцатым инструкции по тонкой обработке тканей.

Председатель. Боже мой! Какой полет вдохновения!

Биржевой заяц. Отсюда, как первое следствие, апоплексический удар, постигающий нашего врага с улицы Федо в самый разгар работы биржи. Затем – выжидательная позиция на рынке. Затем – глобальная скупка бумаг нашим объединением. Затем – наплыв подписчиков-провинциалов, поднятых на ноги моим агентством. День заканчивается для нас полным сбытом всех бумаг... Давка и побоище у дверей наших бюро на улице Вальми и авеню Вердена!

Председатель. Какие славные имена!

Рантье (*бросаясь к Биржевому зайцу*). Квитанцию, пожалуйста, мсье!

Биржевой заяц. А что это вы мне суете?

Рантье. Мои сбережения, мсье. Вот они! Вот все мое достояние! Я слышал вас. Я все понял! Я с вами душой и телом!

Биржевой заяц. Если вы все поняли, вам должно быть ясно, что квитанцию у нас выдает подписчик.

Рантье. Разумеется! Как же я сразу не сообразил! Получите. По гроб жизни благодарен вам, мсье! (*Уходит.*)

Жонглер кончает номер, забрасывая кольца высоко в небо. Кольца обратно не падают, но зато возвращается уличный Певец.

Певец (*поет*).

«Слышишь ли ты сигнал?

Адский оркестр заиграл!»

Председатель. Замолчит он когда-нибудь? И что это он все время, как попугай, повторяет одни и те же строки?

Официант. Он знает только эти два стиха: «Прекрасной полячки» теперь не найдешь в продаже. Вот он и рассчитывает, что кто-нибудь из слушателей научит его продолжению.

Председатель. Только не я! Пусть катится ко всем чертям!

Чудак с тросточкой, проходящий мимо, непринужденно останавливается рядом со столиком.

Чудак. И не я, дорогой мсье! Тем более что я в точно таком же положении: знаю только одну песенку, которую распевал в детстве. И тоже на мотив мазурки, если вам интересно знать.

Председатель. Совершенно не интересно.

Чудак. Почему так легко забываются слова на мотив мазурки, дорогой мсье? Наверно, тают в ее дьявольском ритме. Из своей песни я помню только первые два стиха. *(Поет.)*

«В разных странах вновь и вновь я
Дружбу тесную водил...»

Председатель. Это кафе, в самом деле, какой-то ярмарочный балаган со всякими чудесами!

Певец *(приближаясь, подхватывает)*.

«С наслаждением и с любовью!
И вино и пиво пил!»

Чудак. Какая удача! Благодаря этому певцу я вспомнил слова. Вот оно, чудо! *(Поет.)*

«От красоток в южных странах
Получал я сладкий дар».

Председатель. Умоляю, довольно!

Певец.

«Подносили нам в стаканах
Дивный пенистый нектар».

Председатель. Да уберетесь вы наконец?

Певец и Чудак *(дуэтом)*.

«Навеки сохраню воспоминанье...»

Председатель. Молчать!

Певец и Чудак уходят. *Личность с физиономией без особых примет встает со стула, направляется к столику Председателя и Барона и подсаживается к ним. Напряженное молчание. Наконец Незвестный решает заговорить.*

Незвестный. Ну-с?

Председатель. Нужна идея.

Незвестный. Нужна наличность.

Председатель. Для одного акционерного общества. Срочно.

Незвестный. Для девки. Не позже полудня.

Председатель. Речь идет о названии Общества.

Незвестный. Речь идет о пятистах тысячах.

Председатель. Название должно быть ясным, не вызывающим кривотолков.

Незвестный. Деньги наличными, не чеком.

Председатель. Согласен.

Неизвестный. Отлично. Вот вам название: Объединенный банк парижских недр.
(*Устраивается поудобней, как его собеседники, когда они рассказывали о себе.*)

Председатель. Великолепно. Агент, уплатите.

Биржевой заяц платит.

Теперь объяснитесь.

Неизвестный. Меня зовут Роже ван Хюттен. Но это не мое имя. Имени у меня нет. Я сын аррасского бандажиста, который отказался признать меня. Отсюда – моя карьера. Решив никогда не предъявлять своего метрического свидетельства, я отошел от жизни, где люди являются на экзамены, женятся, отбывают воинскую повинность, словом, где от вас вечно требуют какого-нибудь удостоверения, и вступил в ту жизнь, где обходятся без него. Я занялся вещами, у которых его тоже нет, – бельгийскими контрабандными спичками, кружевами, кокаином. А также книгами специального содержания: в жизни любого авантюриста бывает период, когда он существует за счет людской похоти. К тому же как-то раз мне пришлось перебросить одного таможенника через границу, откуда нет возврата, и это обстоятельство побудило меня поступить кочегаром на судно, отправлявшееся, как выяснилось позже, к берегам Малакки. Там мне удалось устроиться: я организовал контрабандный вывоз носорожьих рогов, основы всей китайской фармацевтики. Для этой охоты, карающейся смертной казнью, я вооружал туземцев ружьями с таким основательным зарядом, что мне приходилось привязывать охотников к дереву, на котором они подстерегали добычу. Впрочем, я там и оставлял их, а убитое чудовище забирал с собой. Но я опасался полиции: удостоверение личности было выжжено у меня прямо на коже. И тогда я отправился на Суматру, где умение играть в шахматы, излюбленную на этом острове игру, завоевало мне симпатии одного местного вождя, отдавшего за меня свою дочь, которая подарила мне сына. О признании его мною не было и речи: там сын, достигнув совершеннолетия, сам признает отца, если сочтет его достойным этого. Злоупотребив доверчивостью своей супруги, я сумел установить местонахождение одной нефтяной жилы, почитавшейся священной и тщательно скрываемой от белых, и дал о ней сведения «Ллойду», которым я и был принят в число уважаемых изыскателей. Жена моя прослыла предательницей, и ее посадили на кол.

Председатель. Так вы изыскатель? Изыскатель!

Изыскатель. К вашим услугам. Не правда ли, само слово «изыскание» уже указывает на мою идею?

Биржевой заяц. Оно изумительно!

Барон. Изыскание? Я что-то улавливаю.

Председатель. Изыскание! Помилуйте, барон, это же сейчас первое дело в мире. Только благодаря ему из недр земли извлекается золото в виде металла или нефти, которое и является условием существования акционерного общества – единственной формы объединения людей в нашу эпоху, уставшую от национальных и прочих патриархальных форм такого объединения. Господин изыскатель превзошел все наши желания. Он предлагает сделать базой нашего Общества изыскания.

Изыскатель. Вот именно, изыскания.

Председатель. На Суматре, наверно?

Изыскатель. Гораздо ближе.

Биржевой заяц. В Марокко? Оно сейчас в моде.

Изыскатель. Еще ближе... Свидетельство тому – название, которое я вам подсказал. Я имею в виду Париж.

Председатель. Париж? Вы считаете, что под территорией Парижа есть залежи полезных ископаемых?

Биржевой заяц. Золота?

Барон. Нефти?

Изыскатель. Что вы, собственно, ищете, господа? Пласт, жилу или название?

Биржевой заяц. Название для наших акционеров. Золотую жилу для самих себя.

Председатель. А вы не брякнули наобум, изыскатель? Недра Парижа, действительно, таят в себе миллиарды?

Изыскатель. Хотя никто об этом еще не подозревает. Париж – наименее исследованная точка во всем мире.

Барон. Невероятно! Как же так?

Изыскатель. Дорогой барон, демоны или добрые духи, охраняющие подземные сокровища, ревнивы и бдительны. Вероятно, они правы. Если мы окончательно нарушим внутреннее равновесие нашей планеты, она рискует в один прекрасный день сорваться со своей орбиты... Тем хуже для нас. Раз уж человек предпочитает быть на своем шаре не обитателем, а его жокеем, пусть и несет весь риск, сопряженный со скачками. Тем не менее задача изыскателя крайне тяжка.

Председатель. Знаю: в Тебризе его бросают на съедение клопам, на Целебесе с него заживо сдирают кожу.

Изыскатель. Да, если угодно. В наш век мученичество принимают не за веру, а за горячее. Но самым страшным оружием наших врагов остается шантаж. На поверхности земли они располагают ландшафтами и городами, которые так прекрасны, что их все чтят, мешая нам эксплуатировать или, если угодно, разорять их, потому что там, где проходим мы, уже не растет трава и не восстанавливаются памятники. Наши враги внушают отсталым умам, что такие малозначительные явления, как память, история, общение между людьми, должны цениться выше, чем металлы и жидкости адских недр... Они даже посылают детей играть в местах, прямо-таки предназначенных для разведки! Золото Рейна не так бдительно охраняется карликами, как золото Парижа – парковыми сторожами.

Председатель. Укажите место, где надо производить разведку. У меня найдутся связи, которые обеспечат разрешение рыть даже в самом центре Тюильрийского сада.

Изыскатель. Но можно ли с полной определенностью указать такое место в городе, который наши враги превратили в свалку всяческого старья? Сбивая со следа лучших наших ищек, они допускают, что площади, склоны холмов, террасы кафе и городских садов, а также окраины кладбищ вновь зарастают напластованиями духовности, от которых люди, прославившие себя в борьбе и любви, на протяжении веков расчищали эти места. В кварталах, где я распознаю флюиды, источаемые нефтью, железом, платиной, еще более мощные токи, исходящие от уже мертвых поколений и живых поклонников старины, повсеместно рассеивают или заглушают эти благотворные веяния. Повсеместно людская жизнь с ее тревоблениями, словно забавляясь, препятствует мне в моих начинаниях с ископаемыми. Даже здесь...

Барон. Здесь? В Шайо?

Изыскатель. Вы посещаете кафе района Шайо, барон?

Барон. Лет уже тридцать. И не без усердия.

Изыскатель. Вы пробовали здешнюю воду?

Барон. Эти опыты я отложил на будущее.

Изыскатель. Изыскатель – это дегустатор воды. Вода по-прежнему остается главной разглашательницей тайн земли, и самый прекрасный родник – изменник, предательски выдающий людям то, что творится в недрах. Так вот вчера за этим самым столиком после первого же глотка воды из графина я затрепетал от надежды! Я выпил второй стакан, третий, пятый. Ошибки быть не могло! Мои вкусовые бугорки прямо-таки набухли от самого сладкого для изыскателя вкуса – вкуса нефти.

Биржевой заяц. Нефть в районе Шайо!

Председатель. Господа! Графин воды и три стакана, официант, да поживей! Угощаю я, барон. Выпьем за Объединенный банк!

Барон. С восторгом!

Изыскатель. Не благодарите. Вы будете пить обычную пресную воду. Тот вкус исчез, даже для меня. Враждебные нам демоны опередили меня. Они создали вокруг этого кафе новую атмосферу, некое оживление, которое совершенно притупило мое чутье. Не думайте, что если вчера вечером воздух был особенно тяжел, а девушки особенно прелестны, так это простая случайность. Неслучаен и хоровод этих балаганщиков у наших столиков нынче утром. Все это имело цель размагнитить нас, привести в нервное настроение, побудить пить шампанское, иными словами, вернуть воде ее привычный вкус. Я попытался повторить вчерашний опыт. Тщетно. Я не сумел помешать официанту рассказать мне, что тут, на этом же месте, Мольер, Расин и Лафонтен некогда распивали отейльское вино. Он с ними стакнулся. Они превратили мою воду в дрянное винишко!

Председатель. Но у вас же есть какой-то план? У такого человека, как вы, должен быть план!

Изыскатель. Вне всякого сомнения.

Председатель. Можем ли мы узнать – какой?

Изыскатель. Сперва каждый из вас должен гарантировать мне молчание, а для этого – доверить мне какую-нибудь свою тайну...

Председатель. Что ж, справедливо.

Изыскатель. С именами и датами.

Председатель. Само собой разумеется. Начнем с меня. Грузо-пассажирский пароход «Святая Барбара», сочтенный утонувшим со всем грузом и людьми двадцать четвертого декабря тысяча девятьсот тридцатого года, был зафрахтован мною специально для этого кораблекрушения и застрахован на мое имя на сумму вдвое дороже реальной стоимости. Это произошло в канун Рождества, известие я получил в церкви во время всенощной. Ваш черед, барон!

Барон. Третьего мая тысяча девятьсот двадцать седьмого года девица по фамилии Шанталь де Люгр пустила себе пулю в лоб, потому что не смогла выкупить у меня по назначенной цене некие довольно любопытные письма. Произошло это в четверг. Ее братишка не пошел в школу и играл подле нее. Добавлю, что она жива. Всего-навсего ослепла... Теперь вы, биржевик.

Биржевой заяц. С полудня шестнадцатого апреля тысяча девятьсот тридцать второго года до утра семнадцатого я являлся казначеем и распорядителем комитета по оказанию материальной и денежной помощи жертвам наводнения на Юге...

Изыскатель. Отлично. Достаточно.

Биржевой заяц. Это было как раз с шестнадцатого на семнадцатое апреля. Семнадцатого – день рождения дорогой моей матушки.

Изыскатель. Итак, вот мой план... Господи, это еще что за личность?

Появляется Безумная из Шайо. Облик важной дамы. Шелковая юбка с поднятым и подколотым металлическими зацепками для белья шлейфом. Туфли эпохи Людовика XIII. Шляпа времен Марии-Антуанетты. Лорнет на цепочке. Камея. Кошелка. Она обходит террасу, останавливается неподалеку от группы дельцов и достает из-за корсажа звонок, какие бывают в столовых. Нажимает на него. Появляется Ирма.

Безумная. Ирма, кости мои готовы?

Ирма. Их маловато, графиня. Но цыпленок был откормленный. Зайдите минут через десять.

Безумная. А зобик?

Ирма. Постараюсь сохранить. Клиент нынче такой – все приедает.

Безумная. Если он съест зобик, сохрани хоть потроха. Кот с Токийской набережной любит их больше, чем селезенку. *(О чем-то задумывается, делает шаг вперед и останавливается перед столиком Председателя.)*

Председатель. Официант, уберите эту женщину!

Официант. Никак невозможно, мсье. Она здесь у себя.

Председатель. Она – управляющая в вашем кафе?

Официант. Это безумная из Шайо, мсье.

Председатель. Как! Помешанная?

Официант. Почему же помешанная? С чего бы ей помешаться?

Председатель. Да вы же сами это сказали, идиот!

Официант. Я? Я сказал так, как ее все называют. Но почему она помешанная? Я не позволю оскорблять ее. Это безумная из Шайо.

Председатель. Полицейского сюда!

Безумная из Шайо свистит в пальцы. Появляется Мальчик-рассыльный. Через руку у него перекинута три шарфа.

Безумная. Ну что? Нашел мое боа?

Рассыльный. Нет еще, графиня. Я нашел не боа, а эти три шарфа.

Безумная. Уже пять лет, как я его потеряла. Мог бы и найти за это время.

Рассыльный. Возьмите любой из шарфов. Их никто не спрашивает.

Безумная. Боа из коричневых перьев, длиной в три метра, это же заметная вещь!

Рассыльный. Голубой шарф очень миленький.

Безумная. При розовом-то воротнике и зеленой вуали на шляпе? Ты что, смеешься? Дай желтый. Подходит?

Рассыльный. Изумительно.

Безумная кокетливым движением набрасывает шарф, опрокидывает стакан Председателя ему на брюки и удаляется.

Председатель. Официант, полицейского! Я подаю жалобу!

Официант. На кого?

Председатель. На нее! На вас! На всех! На певца, на торговца шнурками, на безумную!

Барон. Успокойтесь, председатель!

Председатель. Ни за что! Вот они, наши настоящие враги, барон! Вот от кого мы должны безотлагательно очистить Париж! О, эти марионетки, так непохожие друг на друга и цветом, и ростом, и повадкой! В чем единственный залог, единственное условие существования подлинно современного мира? В создании труженика единого типа – с одинаковым лицом, в одинаковой одежде, с одинаковыми жестами и словами. Только тогда руководитель поверит, что перед ним только одно человеческое существо, трудящееся в поте лица. Как ясен станет его взор, как чиста совесть! А что мы видим? Что? В том самом парижском квартале, который является нашей цитаделью, который насчитывает наибольшее количество администраторов и миллиардеров, внезапно возникают и под самым носом у нас разглагольствуют фигляры, жонглеры, мошенники, призраки, которых опять облакает в плоть и кровь свобода – свобода для тех, кто хочет петь, не зная слов, ораторствовать, будучи глухонемым, носить штаны, продранные на задку; свобода для цветов быть цветами, свобода исторгать из груди звуки столового колокольчика. Наша власть кончается там, где существуют веселые бедняки, непочтительные и капризные слуги, уважаемые и чтимые безумцы. Да вы поглядите только на эту безумную! Официант, кланяясь и приседая, устраивает ее в самом центре террасы, хотя она даже не собирается ничего заказывать. Цветочница дает ей даром огромный ирис, который она засовывает себе в вырез корсажа... А Ирма галопом мчится к ней!.. Воображаю, какой разыгрался бы скандал, если бы я при всех своих председательских титулах сунул себе в петлицу гладиолус и принялся орать благим матом на этой респектабель-

ной площади, перед этим официальным символом франко-бельгийской дружбы... Ирма, мои косточки и потроха! *(Последнюю фразу он выкрикивает.)*

С других столиков на него устремляются неодобрительные взгляды.

Биржевой заяц. Успокойтесь, председатель, и положитесь на меня: несколько дней, и я вымету всю эту нечисть.

Изыскатель. Вот мой план.

Председатель. Говорите потише. Она нас слышит...

Изыскатель. Известно ли вам, что такое бомба, председатель?

Председатель. Мне говорили, что это взрывается.

Изыскатель. А знаете вы, кто живет в особняке на углу набережной? Мой противник. Мой единственный противник. Инженер, который вот уже двадцать лет отказывает нам в разрешении на разведку в Париже и пригородах. Единственная личность, которая в этом мире оказалась нечувствительной к нашим доводам.

Председатель. Мы все обратились в слух. Боже мой! Этому-то еще что нужно?

Между столиками пробирается напояженный старичок в перчатках и с носовым платком в нагрудном кармане.

Старичок. Прежде всего здоровье, мсье, точнее, здоровые ноги. Ходят ноги – все идет хорошо. Чиновник ведомства здравоохранения Жаден, отставной моряк. В Габоне специализировался на выдергивании клещей. В настоящее время – на удалении простых и костных мозолей. В случае необходимости Марсьяль сообщит вам мой адрес. Если операция нужна немедленно, я к вашим услугам хоть сейчас, прямо у столика. Я здесь каждый день. Ну как желчный пузырь, Марсьяль?

Официант. Как всегда, полно камней, доктор. Слышно даже, как они стучат друг о друга.

Жаден. *Crepitus crotalis* – звук гремучей змеи. Диагноз правильный.

Официант. Подать перно?

Жаден. Да, да, перно. Остальным – тоже. *(Замечает графиню и кричит.)* Привет, графиня. Как у вас левая почка? Блуждает поменьше?

Графиня отрицательно качает головой.

Fluktuat nec mergitur. Не бойтесь, все будет в порядке.

Председатель. С ума сойти! Пойдем куда-нибудь в другое место.

Изыскатель. Нет. Зрелище ожидает нас только здесь. Сейчас уже почти двенадцать, не так ли?

Председатель. Без пяти.

Изыскатель. Через пять минут особняк нашего врага инженера взлетит на воздух. Один паренек, который готов для меня на все, подкладывает туда небольшой заряд динамита.

Барон. Боже! Я вижу, вы сторонник современных методов в изыскательском деле.

Председатель. Заблуждаетесь. Конечно, этот метод широко применяется в наши дни, но на самом деле восходит еще к миру легенд: чтобы заполучить сокровище, всегда пришлось убивать стерегущего его дракона.

Изыскатель. В наших делах, барон, мы лишь оказываем порядочным людям подобающую им честь, превращая порядочность в нечто не менее смертельно опасное, нежели преступление. К тому же рядом с нефтяным месторождением труп не пахнет. Это аксиома геологоразведки.

Барон. А взрыв нас не заденет?

Изыскатель. Не беспокойтесь. Однако обернитесь! За нами наблюдают. Сделаем вид, что поглощены беседой. Мы вас слушаем, господин агент, – вы ведь у нас в долгу.

Биржевой заяц. Меня зовут Жорж Шопен. С композитором мы лишь однофамильцы, но я обязан ему своим прозвищем. Не будь его, мне не пришлось бы всю жизнь слышать:

«Пианист нас продал». Или: «Пианист заработал два года». Или: «Пристрелить пианиста!». Сын матери бедной, но нечестной, занимавшейся скупкой ломбардных квитанций на улице Тиктон, я всю свою жизнь посвятил этой женщине. Чтобы заказать ей корсет по мерке, поскольку она тучна и кривобока, я в пятнадцатилетнем возрасте позабыл отнести в полицию оброненный кем-то и найденный мною бумажник. Чтобы подарить ей золотую табакерку – она жует табак, – я с восемнадцати лет стал сниматься в порнофильмах. Чтобы устроить ее в Коломб – у нее астма, – я в течение семи лет по поручению одного судебного исполнителя из Шаронн занимался выселением неплательщиков из квартир. Операция эта поначалу несколько деликатна: плачущие женщины, орущие дети, девочки, которые не желают расстаться с каким-нибудь предметом обстановки и вцепляются в него... Но мысль о матушке поддерживала меня. Я стал мастером в искусстве отрывания детских ручек от мебели. Вскоре я приобрел такую репутацию, что один маклер с хлебной биржи направил меня в Буэнос-Айрес, чтобы выдворить триста итальянских семей из жилого массива, который не могла очистить от них никакая полиция. Приближалось семнадцатое апреля, а матушка моя хотела получить кольцо с изумрудом, притом мужское кольцо, так как пальцы у нее несколько смахивают на сардельки. За неделю жилищный массив опустел – исчезли как сами обитатели, так и весь их скарб, включая триста кукол. Тем временем по случаю голода на Востоке я приобрел в Буэнос-Айресе кое-какие познания в области перепродажи зерна, а также наложения на него ареста, и мое призвание окончательно определилось. Матушка еще жива. Злоупотребление жирами и бенедиктином несколько помутило ее сознание, но каждое семнадцатое апреля она меня узнает и протягивает за новым подарком руку, отягощенную браслетами и кольцами. Надеюсь, мне их еще не скоро придется снимать с дорогой мамочкиной ручки. Я кончил... Как видите, избавить Шайо от всей этой орды – детская игра для меня.

Изыскатель. Отлично. Бьет двенадцать... Боже мой, что это?

Входит Спасатель с моста Альма с телом утопленника на руках.

Пьер?.. Что случилось?.. Кого это вы несете?

Спасатель. Утопленника. Это мой первый утопленник. Я – новый спасатель с моста Альма.

Официант. Скорее, похоже, что его трахнули по голове: одежда-то сухая.

Спасатель. Тоже верно. Он уже перекинул ногу через парапет, и я хватил его по голове – чтобы не сопротивлялся. На этот счет у нас строжайшие предписания. Утопленника полагается оглушить сильным ударом, чтобы он не утащил спасателя под воду.

Официант. Но ведь этот-то был пока на суше.

Спасатель. Он – первый, кого я спас, мсье. Я вступил в должность сегодня утром.

Изыскатель. Этот юный идиот донесет на нас. Куда, черт побери, он девал взрывчатку?

Председатель. Надо любой ценой избежать скандала, не то наше Объединение взлетит на воздух.

Спасатель дышит молодому человеку в рот и делает ему искусственное дыхание.

Изыскатель (подходя ближе). Что вы делаете?

Спасатель. Манипулирую с грудной клеткой. Вдуваю воздух ему в рот. Смотри правила первой помощи утопленникам.

Изыскатель. Да ведь он же не утонул!

Спасатель. Считается, что утонул.

Изыскатель. Считается, что утонул? Но ведь он утонул, так сказать, на суше. Правила помощи утопленникам сюда не относятся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.